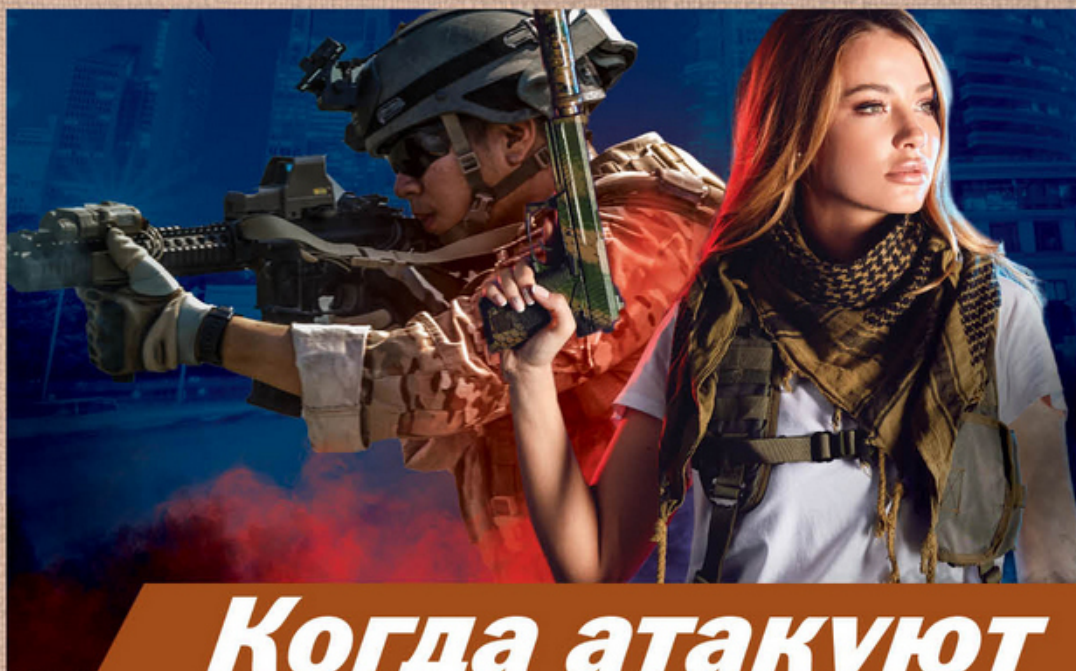

СЕРГЕЙ
САМАРОВ

СПЕЦНАЗ ГРУ

Когда атакуют

фурии

Спецназ ГРУ

Сергей Самаров

Когда атакуют фурии

«ЭКСМО»

2020

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Самаров С. В.

Когда атакуют фурии / С. В. Самаров — «Эксмо»,
2020 — (Спецназ ГРУ)

ISBN 978-5-04-112245-4

Неизвестными похищен специалист по искусственному интеллекту, работавший в системе оборонной промышленности. Поиск ценного сотрудника поручен сразу двум подразделениям – группе спецназа ГРУ подполковника Ручкина и Отдельному особому отряду спецназа МВД «Фурия», состоящему из... женщин. В свое время бывшие стрелки и спортсменки были специально собраны для борьбы с террористами на Северном Кавказе. Зачастую действуя вне закона, эти «амазонки» становились настоящей грозой бандитов. Неудивительно, что их совместная работа со спецназом ГРУ началась с серьезного конфликта...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-112245-4

© Самаров С. В., 2020
© Эксмо, 2020

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	15
Глава 3	22
Глава 4	28
Глава 5	33
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Сергей Васильевич Самаров

Когда атакуют фурии

© Самаров С.В., 2020

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

Глава 1

Подмосковный лес, по традиции всех последних лет, выглядел совсем запущенным. Точно такими же, впрочем, теперь были и все остальные леса в России. Когда-то раньше, во времена, которых современная молодежь и не помнит, то есть еще при далекой уже Советской власти, любой человек, житель какой угодно деревни, мог пойти в ближайший лес с топором или бензопилой, чтобы спилить или срубить себе на дрова сухие деревья. За очистку леса людям даже платили какие-то деньги, небольшие, но несколько не лишние, особенно если учесть, что заработки у простого народа тогда были не ахти какими.

Потом Советский Союз сузился до пределов России, многое изменилось, править страной стали новые люди, вышли иные законы. Теперь за порубку даже сухих и упавших деревьев брали штраф. Сушняк так загадил все леса, что там местами стало невозможно не только проехать, но даже пройти. Правда, не так давно рубить сухие стволы власти снова разрешили, но, естественно, без оплаты. Но при этом обещали штрафовать за то, что ствол, скажем, придавит какой-то куст или молодую елочку.

Деревенских жителей, в домах которых топились печи, это настораживало. Чистить лес они не собирались, предпочитали доверить это соответствующим службам, которые с такой работой, конечно же, не справлялись.

В начале ночи с девятого на десятое мая большой, весьма дорогой черный внедорожник «Лендкрузер», давя кусты, доехал до места, где путь ему перегородило упавшее дерево, и остановился. Открылась водительская дверца. Из машины вышел высокий, еще крепкий и довольно стройный человек с седой шевелюрой и такой же щеточкой щегольских усов.

Мужчина расслабил галстук и слегка брезгливо, серьезным приказным тоном сказал кому-то:

– Пошла на заднее сиденье!

После этого он неслышно, без хлопанья, прикрыл дверцу. Автодоводчик затворил ее полностью.

С правого переднего места поднялась и выбралась наружу девица, раскрашенная с очевидными излишествами. Ее юбка кончалась, едва успев начаться. Эта особа жеманно шагнула по подросшей траве, перешла на заднее сиденье и сильно хлопнула дверцей. Она, видимо, была не слишком-то привычна к автомобилям с автодоводчиком дверей.

– Аккуратнее! Я не на тракторе тебя вожу, – проворчал седой мужчина.

– Подумаешь, – так же жеманно, как и шла, ответила девица. – Машина у него развалится, видите ли.

Мужчина ничего на это не ответил, устроился рядом с барышней.

Спустя буквально пять минут на той же самой лесной дороге появился тяжелый внедорожник «Тигр» с выключенными фарами. Он тоже безжалостно давил мощными колесами кусты и молодые деревца, приблизился к люксовому «Лендкрузеру», остановился в тридцати – тридцати пяти метрах позади него и сразу развернулся. Без звука сдвинулся металлический люк в крыше. Должно быть, хозяин этой машины хорошо следил за ней и не жалел масла на смазку узлов.

Из люка высунулась голова человека в маске, закрывающей все лицо. Он напрягся, снизу ему кто-то помог. На крыше машины появился тяжелый пулемет «Корд» и тут же был закреплен на шкворне, предназначенном именно для этого. Ствол грозного оружия смотрел в обратную движению сторону. После этого человек в маске извлек из салона металлический ящик, вытащил ленту, зарядил пулемет и установил на него ночной прицел.

– Пока не стреляй! – приказал из машины низкий, гибкий и властный командный голос. – Сейчас будет салют в честь праздника.

Словно в ответ на это где-то в стороне раздался гулкий треск, похожий на электрический, и небо над недалекой деревней осветили разноцветные брызги салюта.

Человек за пулеметом оглянулся, посмотрел на салют через плечо и сказал:

– Очень даже вовремя. Маскировка для меня хорошая. Московские дачники резвятся, прямо как по заказу. Да и хрен с ними!

Пулеметчик держал голову в восьми-десяти сантиметрах от ночного прицела, чтобы отдача не поставила ему вокруг глаза синяк и не рассекла бровь. Прицеливался он недолго. Тишину леса разорвали несколько коротких очередей, за которыми последовала длинная. Похоже было на то, что она пробила и подожгла бензобак. «Лендкрузер» полыхнул ярким пламенем. Из него никто не вышел. Тяжелые пули сделали свое дело.

– Снимай пулемет. Поехали! – донесся приказ из салона «Тигра».

– Сперва гильзы подобрать надо, командир, – проговорил пулеметчик.

– По пулям не поймут, что ли, из чего тут стреляли? Не будем время терять. Снимай свою шарманку.

Пулеметчик быстро выполнил это распоряжение и нырнул в бронемашину. Люк тут же закрылся, и «Тигр» двинулся в сторону асфальтированной дороги.

– Ну вот, не зря мы торопились, – сказал командир и кивнул в правую сторону. – Вон там фонари светятся. – Четыре человека на огонь идут.

– Кто это? Деревенские или дачники? – спросил пулеметчик то ли командира, то ли самого себя.

– Анаконда, в разведку! Все узнать и доложить! – прозвучал приказ. – Будем ждать тебя у развилки.

– Понятно, командир, – донесся еще один голос из заднего отделения «Тигра». – Только вот ждать меня не надо. Доберусь по железной дороге, на товарняке.

Открылась дверца. Кто-то на ходу выпрыгнул из машины, сразу залег и змеей пополз между кустами.

В это время в лесу, позади «Тигра», раздался грохот. Бензобак «Лендкрузера» взорвался.

– Куда?.. – спросил человек, сидящий за рулем.

– На базу! – распорядился командир, снял с головы маску и встряхнул густой шевелюрой.

– Не зря мне это место сразу не понравилось, – сказал подполковник Речкин. – Жена вот только меня слушать не пожелала, сразу слюни распустила. Наши места похожи на те, где прошло ее детство. Даже речка, говорит, один в один, вода в ней такая же грязная и вониючая. Ностальгия у нее, понимаешь ли. А у меня как предчувствие какое-то было. Не лежала душа, да и все тут. Народ в деревне остался только возрастной и непробудно пьющий. А кроме него, одни лишь дачники. Каким-то криминалом даже пахнуло. И вон он, криминал, нате вам, впереди, в лесу горит. – Он сделал два шага вперед и вдруг остановился.

Нормальный горожанин, даже офицер, сообразивший вдруг, что путь ему преграждает препятствие, непременно направил бы на него луч фонаря, который держал в руке. А вот Игорь Витальевич Речкин поступил с точностью до наоборот. Он выключил свой фонарь, чтобы рассмотреть препятствие в темноте. Так этот человек привык работать.

Препятствием оказался ствол березы. Крона не позволила дереву лечь на землю горизонтально, удерживала его под углом градусов в двадцать пять – тридцать.

Подполковник продемонстрировал, что его пятьдесят два года – это еще не возраст. Он легко перепрыгнул через ствол, в невысокую траву, растущую за ним. Если там и могла скрываться какая-то угроза, то разве что растяжка от гранаты или от противопехотной мины. Но кто и зачем установит ее в подмосковном лесу?

– И пулемет там лупил, – подтвердил мнение подполковника его бывший заместитель по отдельной мобильной офицерской группе, только-только вышедший на пенсию, но ни разу

еще ее не получавший, майор Сергей Сергеевич Комогоров. – Я их по звуку всегда определяю. Это «Утес» или «Корд», крупнокалиберный, солидный. А если пулемет задействован, то криминал сильно крутой. Менты с ними не справятся, даже попробовать не рискнут. Они тоже не дураки, чтобы на крупнокалиберный пулемет грудью переть. – Майор потрогал рукоятку своего наградного пистолета, проверил, легко ли он достается из кобуры.

Этим он демонстрировал свою готовность к преодолению любых сложностей, которые могут встать перед ними.

– Точно, – подтвердил мнение майора старший лейтенант Заглушкин, снайпер мобильной офицерской группы. – Патроны-то у пулеметов одинаковые, и звук похож. Но все же это «Корд». У него ствол из другого металла сделан. Расчет выстрелов на износ в два раза больше. У винтовки моей такой же звук. Она тоже на десять тысяч выстрелов годится. А «Утеса» по паспорту – только на пять, в реальности же до четырех тысяч едва дотягивает.

– Ну, если специалист говорит, то тут уж придется согласиться, – с легкой иронией в голосе сказал капитан Илья Владимирович Лукьяновский, четвертый член группы, и перепрыгнул через тот же ствол.

Офицеры прошли вперед и увидели полыхающий внедорожник.

– Товарищи офицеры, а от машины лес тут не загорится? – проговорил капитан. – В этом случае придется нам от огня улепетывать. Это сплошь и рядом хуже, чем от криминала. Здесь никакие переговоры не помогут. Даже с пистолетом в руке, боюсь, не получится.

– А что, запросто, – сказал отставной майор. – Погода стоит жаркая. Лес сухой. Полыхнет так, что мало никому не покажется. Командир, я думаю, надо в полицию и в пожарку звонить. Мы сами ничего сделать не сможем. А живых людей в машине нет, спасти некого.

В это время взорвался бензобак. Горящие брызги разлетелись широко. Стало видно, как в отдельных местах загорелись трава и опавшая, прошлогодняя листва, подсушенная майским солнцем, в этом году особенно жарким.

– Уходим отсюда! – заявил капитан Лукьяновский. – Командир! – позвал он.

Но Игорь Витальевич остановился, достал из кармана мобильный телефон и набрал короткий номер.

Пожарные приехали первыми, как их подполковник и вызывал. Сразу на четырех больших машинах. Судя по одежде, закопченной, кое-где испачканной сажей, это был не первый вызов за время дежурства. Скорее всего, они только и успели, что емкости водой залить, и сразу поехали по новому адресу.

Потом и стражи порядка на двух «уазиках» пожаловали. Полицейский майор сразу стал показывать пожарным, где и что следует проливать водой. Понять его было можно без всякого труда. Ему требовалось как можно быстрее начать расследование, осмотреть машину и поляну, на краю которой она стояла, а потом уехать к себе в райотдел, где по случаю праздника и стол, скорее всего, накрыт был.

Но старший пожарного наряда, погоны которого под противопожарным комбинезоном видно не было, оказался человеком авторитарным и категоричным.

Он не обратил особого внимания на мнение ментовского майора и спокойно проговорил:

– Мне главное – к деревне огонь не подпустить.

Этот человек свое дело знал. По его указанию пожарные поливали водой опушку леса. Огня там еще не было и в помине, но он вполне мог вскоре и подступить туда. Дальше следовал короткий участок необработанного поля, заросшего прошлогодней сухой травой поля. За ним располагалась уже деревня. Правда, выходила она в сторону леса только огородами, в основном уже перекопанными и засаженными, но еще не давшими поросли. Но там, в огородах, стояли бани, сараи, которые легко могли загореться, стоило чуть-чуть окрепнуть ветру и донести до сухой древесины искры. От этих строений огню было бы легко перебраться и на жилые дома.

– Вот землю прольем основательно, потом и к машине подступим, – сказал старший пожарный полицейскому майору.

Офицеры спецназа военной разведки подошли к ним как раз к моменту окончания их разговора. Потом одна из пожарных машин уехала к реке, протекающей по другую сторону деревни. Борцы с огнем принялись и откровенно удивлялись. Почему эта вода не горит, хотя имеет устойчивый запах бензина?

Сотрудник полиции шагнул к офицерам, коротко глянул на погоны подполковника, козырнул и сразу представился:

– Майор Известьев Евгений Иванович. Белореченский райотдел полиции. Это вы нас вызвали?

– Так точно, я позвонил. И в полицию, и пожарным тоже, – спокойно ответил Речкин.

– А вы сами как здесь оказались? По какому случаю?

– Мы с женой недавно домик в Долгово купили, старую развалюху. Вот в этой самой деревне. Я из командировки недавно вернулся, с Северного Кавказа. Мы друзья по службе, собрались Девятое мая отпраздновать. Так, слегка. Мы же при нашей службе помногу не пьем. Бережем, как говорится, здоровье и различные инстинкты организма. Сидим, значит, во дворе за столом, слышим пулеметные очереди.

– Почему вы решили, что пулеметные? Может, автоматные?

– Я военный человек, за последние двадцать лет ни одной горячей точки на территории бывшего СССР не пропустил. Везде побывал, кроме разве что Таджикистана и Молдавии. И умею по звуку отличать пулемет от автомата. Тем более что пулемет был крупнокалиберный.

– Он ведь и по внешнему виду от автомата отличается, малость покрупнее будет, – вставил слово капитан Лукьяновский. – Там калибры разные, следовательно, и звук иной.

Ментовский майор, конечно же, легко уловил нотки ехидства в голосе капитана, и они ему не сильно понравились. Он видел, что над его вопросами смеются, понимал свою малую, в сравнении с военными, компетенцию в этих вопросах.

– Дальше что? – поторопил подполковника офицер полиции. – Кстати, это не могли быть звуки салюта? А то у вас тут запускали его. Мне об этом сказали.

– Да, где-то в стороне реки. Там вроде бы компания на автомобилях веселье на бережку устроила. Салют пускали над рекой. Не в сторону деревни. Но звук салюта я даже от автоматной очереди отличу. Переглянулись мы, короче говоря, и пошли на звук, но не сразу, а только когда пламя в лесу увидели. Подходить стали, машина как раз взорвалась, лес вокруг нее загорелся.

– Больше трава, командир, – заявил Лукьяновский.

– Да, больше трава, но и деревья тоже, мне показалось, начали подгорать. Тогда я и позвонил.

– Никого поблизости не встретили?

– Мне приглянулось, будто по другую сторону огня кабан пробегал, – заметил Лукьяновский. – Но я могу и ошибаться. Кабаны обычно от выстрелов бегут, а не на них. Хотя кто их знает. Кабаны эти самые – народ бешеный! Они и на выстрел могут, и на огонь.

– Неоткуда здесь кабана взяться. Густых старых лесов поблизости нет, – проговорил мент. – У нас последнего кабана, почитай, сорок лет назад застрелили. Еще в конце семидесятых годов прошлого века. У меня родной брат охотник знатный. Он так говорил.

– Ну, если не кабан, то кошка. – Капитан пожал плечами. – Да, скорее всего, она и была.

– Они разве похожи?

– Слегка только. Отдаленно. Но быстро кто-то пробегал. Если человек, то пригнувшись или вообще на четырех костях.

Майору опять показалось, что над ним издеваются.

Он демонстративно отвернулся от капитана к другим офицерам и спросил всех сразу:

– Может, машину слышали? Кто-то подъехал, пострелял и тут же убрался отсюда?

– Машину я вроде бы слышал, но не видел. Где-то в той стороне. – Комогоров махнул рукой. – Но там дорога. Может, по ней кто-то проезжал. Скорее всего, грузовик. Двигатель звучно работал.

Пожарные наконец-то перестали пропитывать водой опушку леса, подъехали к догорающему внедорожнику, вытащили из машины что-то объемное, слегка похожее на крупный гранатомет, устроили эту штуковину на плече немолодого, но крепкого мужика и стали заливать «Лендкрузер» пеной. Открытый огонь сразу оказался погребенным под ней и быстро потух.

– Можете приступать к осмотру, – сказал старший пожарной бригады майору полиции.

– Так там же все горячее, – посетовал тот. – Раскаленное.

– Ну, тогда ждите, когда остынет, а мы поехали. Уже четыре выезда сегодня сделали. И еще будут. Оно и понятно, праздник.

В это время подполковник Речкин сказал майору Комогорову:

– Сергей Сергеевич, менты туго соображают. Ты сам глянь, откуда стрелять было удобнее. Поищи место. Может, там есть что.

– А нечего тут искать, – снова вступил в разговор капитан Лукьяновский, отличающийся быстротой соображения. – Пули ударили в дверцу багажника. Значит, с той стороны и надо смотреть. Мне совсем не кажется, что покойный водитель сел за руль и переехал на другое место, чтобы запутать следствие. У него, похоже, причин не было так поступать. Они вообще, по моему мнению, автотранспорт недолюбливают.

– Ну, если ты все так прекрасно понимаешь, то сам, Андрей Владимирович, и поищи, – проговорил Комогоров.

Капитан пожал плечами, удивляясь, что его мнению почему-то не очень доверяют, и пошел искать. Трое офицеров сели на ствол березы, похожий на тот, через который недавно прыгали, и молча ждали возвращения Лукьяновского. Но тот не спешил к ним. Было видно, как он, подсвечивая себе фонариком, ползает на четвереньках в траве. Капитан что-то отыскал, поднял с земли и только после этого двинулся в сторону березового ствола.

– Что нашел? – сразу спросил подполковник Речкин.

– Так, пустяки всякие. Стреляные гильзы от патрона на двенадцать и семь и следы автомобиля. Точно указать модель не могу, но, скорее всего, это был грузовичок какой-то с широкими колесами. Стреляли из кузова, поставив сошки на задний борт. Чтобы с рук из такого лупить, надо лапы тяжелоатлета иметь. Таких у снайперов не бывает. Хотя могли в кузове просто стандартный станок поставить. Гильзы, насколько я помню, у «Корда», как и у «Утеса», вперед через отдельную трубку вылетают на полтора, а то и три метра. Поднять их, похоже, просто поленились. Кто помнит, сколько выстрелов было?

– Сначала две короткие очереди, – ответил старший лейтенант Заглушкин. – Примерно по четыре-пять патронов. Потом одна длинная, патронов одиннадцать-двенадцать.

– Смотри-ка, а Валерий Николаевич у нас считает как Архимед! И ведь точно. Одна очередь – четыре выстрела, вторая – пять. Хотя может быть и наоборот, сначала пять, а потом четыре, не берусь спорить, третья – двенадцать. Итого двадцать одна гильза. В траве осталось двадцать.

– А еще одна где? – спросил подполковник.

– Вот она. – Капитан вытащил из кармана и протянул командиру тяжелую пулеметную гильзу. – Характерная отметина – боек чуть смещен, бьет не строго по центру капсюля.

– Майор! – позвал Игорь Витальевич мента, который вместе со своими людьми гулял по траве неподалеку, ожидая, когда машина остынет и к ней можно будет подойти.

Сам он тем временем передал гильзу старшему лейтенанту Заглушкину и спросил:

– Каким патроном стреляли? Бронебойным? Зажигательным?

– Да разве ж по гильзе скажешь, товарищ подполковник. Маркировка ставится на пуле. Бронебойная с черным концом, бронебойно-зажигательная в дополнение красное кольцо на самом кончике имеет. А гильзы все одинаковые. – Он вернул гильзу командиру.

Тот протянул ее менту и сказал:

– Там еще двадцать штук валяется. И следы от машины. Капитан покажет.

– Вы в каких войсках служите, товарищ подполковник? – вежливо поинтересовался сотрудник полиции, не видя ночью темную нарукавную эмблему офицеров.

– Спецназ военной разведки.

– Тогда понятно, как вы сразу нашли. У меня сын – сержант-контрактник в спецназе ВДВ, в разведвзводе, – проговорил мент с откровенным уважением и к офицерам, и к своему сыну.

Он, видимо, ожидал каких-то ответных уважительных слов касательно спецназа ВДВ, но они так и не прозвучали. Спецназ военной разведки приучен считать, что выше, чем он, бывают только звезды.

Майор позвал своих помощников, и капитан Лукьяновский повел их рассматривать место стрельбы, обнаруженное им.

По возвращению Лукьяновского офицеры двинулись в деревню. Своих жен они оставили за столом, во дворе новоприобретенного дома подполковника Речкина. Перед уходом спецназовцев ментовский майор спросил, где найти Игоря Витальевича на тот случай, если возникнут дополнительные вопросы.

– Можете позвонить. – Подполковник продиктовал свой номер, который мент сразу же забил в память простенького мобильного. – Я объясню, как меня найти, и сам выйду встретить с фонариком.

По дороге капитан Лукьяновский неодобрительно отозвался о сотрудниках полиции:

– Я их, понимаешь, привожу, и этот рыжий старший лейтенант, самый длинный из ментов, сразу двумя ногами встает на единственное место, где след машины хорошо отпечатался. Во всех других только трава прижата, а здесь земля была придавлена. Теперь протектор не рассмотришь толком. Ну что за народ эти менты! Работать толком не могут и учиться не хотят. Для них это дело – очередной глухой висяк.

Еще через тридцать шагов, когда все подныривали под прясло, желая пройти через огород, Лукьяновский вроде бы совсем не к месту вдруг вспомнил:

– Эти олухи три гильзы никак найти не могли. Я им говорю, что двадцать штук должно быть, они пересчитывают собранные – только семнадцать, восемнадцатая у майора. Он матерится, гонит их. Пять минут искали, во все стороны разбрелись. А чего ради? Ведь все гильзы в одном месте должны быть. Пулемет же не лес расстреливал, а только машину, стволом не вертел. Говорю им, что в разведку с такими спецами не пошел бы, а они еще и обижаются.

Все четыре офицерские жены сидели там, где их оставили мужья, когда пошли на выстрелы из пулемета и на огонь в лесу. Офицерам, в отличие от жен, эта стрельба в мирном Подмоскovie показалась подозрительной.

– И что там нашли? – скороговоркой спросила Елизавета Андреевна, жена подполковника Речкина.

– Лес горел, – коротко и почти сурово ответил муж.

Он всегда стеснялся излишней разговорчивости своей половины и на людях, при посторонних, пытался это компенсировать собственным немногословием.

– Пожарных вызвали и полицию. Уже потушили.

– Охотники, что ли, спяну подожгли? – той же скороговоркой продолжала допрос Елизавета Андреевна. – Полиция их ищет? Местные, наверное. Здесь все с утра пьяные ходят. Я утром в магазин за хлебом пошла, ни одного трезвого человека не видела. А в магазине два мужика про охоту говорили. Вальдшнепов стрелять собирались. А они же как воробы.

– Вальдшнепы размером с голубя, – поправил хозяйку дома капитан Лукьяновский. – А бывают и крупнее. Подкормиться этими птичками можно. Сейчас в деревнях людям работы не найти. Выживают кто как может. Правильно я говорю, Лариса Петровна? – Последний вопрос Андрей Владимирович адресовал своей жене.

Лариса Петровна, суровый и требовательный учитель информатики в школе, была полной противоположностью мужа. Он, худощавый, тонкий в кости, выглядел человеком слегка замученным, с тонкими чертами лица интеллигента в нескольких поколениях. Она имела лицо цвета крови с молоком, была на полголовы выше капитана, весила килограммов на двадцать больше и обычно угрюмо молчала.

Лариса Петровна, как всегда называл ее сам Лукьяновский, стеснялась разговорчивости мужа и часто одергивала его за любое словоизлияние, как, наверное, в школе шугала своих учеников. Привычка командовать часто прорывалась в ней, но в присутствии других офицеров Лариса Петровна своего властного характера старалась не показывать. Тем более здесь. Находясь в гостях у командира группы и его жены, она предпочитала вести себя скромно.

В подчинении подполковника Речкина было восемь офицеров, но в Москве жили только трое плюс он сам. Поэтому между собой общались в основном эти четыре семейные пары.

Вскоре в группу должен был прийти офицер взамен майора Комогорова, вышедшего на пенсию. Так, по крайней мере, обещало командование, но любые слова – это далеко не свершившийся факт. Сам же Игорь Витальевич был ровесником Комогорова, однако решил, что на пенсию выйдет только тогда, когда начальство его туда отправит.

Присутствовали за столом и еще две женщины.

Людмила Анатольевна Комогорова не могла скрыть своей радости по поводу того, что муж ее наконец-то стал пенсионером. Ей не придется больше в тревоге ждать его возвращения из очередной командировки.

Молоденькая жена старшего лейтенанта Заглушкина Алина стеснялась в этой компании скорее своего возраста, чем чего-то другого. Она была мастером спорта по боксу в весовой категории до шестидесяти четырех килограммов, обладала черным поясом по карате рюэй-рю, редкому в нашей стране, намеревалась попробовать силы в смешанных единоборствах. Все это говорило о том, что Алина наделена сильным характером, всегда готова и прекрасно умеет постоять за себя. Но в обществе старших женщин она вела себя скромно, говорила только тогда, когда ее о чем-то спрашивали, и откровенно скучала за общим столом. Когда мужчины, в общем-то, непьющие, все же приняли по рюмке вместе со своими женами, Алина от выпивки отказалась, сославшись на то, что утром ей садиться за руль, а она после алкоголя всегда себя неуверенно чувствует. Настаивать никто не стал. В этой компании подобная настырность не практиковалась.

Ее машина стояла здесь же, во дворе, рядом с воротами. По другую сторону ворот отдыхал автомобиль жены капитана Лукьяновского. В ветхом старом сарае, приспособленном под гараж с выездом сразу на улицу, спокойно устроилась машина подполковника Речкина. Это был старый военный «уазик», давно отслуживший свое, списанный из армии и купленный Игорем Витальевичем.

Офицеры так толком и не рассказали женам о том, что случилось в лесу.

Застолье закончилось, и гости разошлись по двору и огороду. Елизавета Андреевна показывала Людмиле Анатольевне, что на какой грядке она собирается посадить.

– А еще не поздно? – поинтересовалась Комогорова. – Я у себя на даче уже все давно высадила.

– Это делать никогда не поздно. Пусть вырастет чуть позже, чем у других. Все равно урожай собрать успею. Все равно каждый май по ночам обязательно заморозки на почве бывают. А я еще думаю теплицу поставить. Тогда буду все лето здесь жить. А вокруг дома, прямо под

окнами, хочу кусты барбариса посадить. Они пахнут хорошо, когда цветут. Мне нравится. А вдоль всего забора – таволгу. Она цветет красиво. Всегда белое облако вокруг цветов.

– Таволга разрастается сильно. Потом от нее не избавитесь. У нас в деревне ее спиреей звали. Я только с годами и узнала, что спирея и таволга – это одно и то же.

Сам подполковник Речкин в этот момент объяснял своему бывшему заместителю и другим офицерам, как желает перестроить дом. Недавно он говорил им, что проживание в этих местах ему не по душе, но уже забыл об этом.

– Главное, чтобы отпуска хватило. Да если не уложусь, тоже не страшно. Меня же никто не подгоняет. Потихоньку все успею сделать. Главное, баньку новую построю. Я попариться люблю. А здесь что за баня – три на три метра.

В это время подполковнику кто-то позвонил.

Он вытащил мобильник, посмотрел на экран, увидел незнакомый номер, но все же ответил:

– Да, слушаю.

– Товарищ подполковник, это майор Известьев.

– Да, Евгений Иванович. Что у вас?

– Вы даже имя-отчество мое не забыли! Хорошая у вас, похоже, память.

– Пока не жалуюсь. Так что вы хотели?

– У нас тут несчастье. Один из наших сотрудников пропал. Да вы видели его, высокий такой, ярко-рыжий, старший лейтенант Карасев. Никак найти не можем, зовем его, а он не отзывается. Нет человека. Заблудился, похоже. Не поможете в поисках?

– Да, конечно, бога ради. Сейчас подойдем. Еще просьбы есть?

– Нет. Ждем вас.

Подполковник жестом подозвал к себе офицеров. Вместе с ними к Речкину подошла и Алина.

– У ментов сотрудник пропал. Может, отошел далеко и дорогу назад найти не сумел, не в ту сторону двинулся. Просят помочь искать, – объяснил он суть проблемы.

– Это наверняка тот рыжий старлей, – сказал капитан Лукьяновский. – Длинный. Он все время рот открытым держал, ворон им ловил и смотрел не туда, куда следовало.

– Он и есть, – подтвердил подполковник. – Пойдемте, поможем.

Никто не возразил.

– Я с вами. А то мне здесь скучно, – заявила Алина.

– Конечно, у бабушек свои интересы, – заявил Лукьяновский.

Он причислил к бабушкам и свою жену, хотя сын его женился всего пару месяцев назад и детей только планировал.

Речкин сразу подумал о том, что опасности в лесу, даже там, где недавно еще кто-то стрелял из крупнокалиберного пулемета, не должно быть никакой, тем более при ментах, а лишняя пара глаз в поиске не помешает.

– Идемте, – сказал он.

– Мы вам поможем, – заявила Людмила Анатольевна, не по возрасту уверенная в своих силах.

Она была на четыре года старше мужа.

– Вот еще! – проворчал подполковник. – Вас потом искать придется.

Он хотел добавить, что в лес люди ходят, чтобы тишину послушать, а не трели очаровательных дам, но побоялся обидеть свою дражайшую половину таким откровением.

Подполковник повел народ к лесу через огород и узкое поле, заросшее травой. Они вышли точно к бригаде ментов, словно Игорь Витальевич компасом пользовался и заранее азимут засекал.

– Прибыли! Быстро же вы, – обрадовался майор Известьев. – Давайте делиться, кто в какую сторону пойдет искать.

– Искать в лесу надо всегда на волчий манер, – заявил капитан Лукьяновский. – Это надежно, обязательно дает результат.

– Это как? – не понял мент.

– Как волки ищут потерянный след?

– Как?

– Начинают с места, где он потерян, идут по спирали, постоянно увеличивают круги и непременно натываются на след. Где вашего старлея видели в последний раз? Сознвайтесь!

Ментовский майор к совету Лукьяновского отнесся скептически, не пришел в восторг от такого предложения и заявил:

– Зачем же тогда я вас звал? Так мы и сами смогли бы. Здесь много людей не требуется.

– Где вашего старлея видели в последний раз? – повторил вопрос подполковник Речкин. Тон его при этом был весьма серьезным, не допускающим никаких возражений.

– Номер он на машине смотрел. А я потом звонил, выяснял, кому она принадлежит.

– Передний или задний номер?

– Передний. Задний сильно оплавился, ничего там не разобрать.

– И что вам про номер сказали? – поинтересовался подполковник.

– Машина принадлежит полковнику Никитину из следственного управления областного ФСБ. К нам отправляются бригады из следственного комитета и областного ФСБ. Будут подъезжать, мне позвонят, я встречу. Я разговаривал, объяснял суть случившегося, обернулся, а старшего лейтенанта на месте уже нет. Позвал, не откликается. Тогда мы его искать начали. Лес почти до самого оврага прочесали, но не нашли. А за овраг он зачем пойдет? Да и в него не полезет.

– Ладно, хватит разговоров. Начинаем поиск, – сказал Речкин.

Глава 2

Они остановились около обгоревшего внедорожника, который все еще был довольно горячим, не совсем остыл после жуткого пожара. На заднем сиденье этой машины находились два сильно изуродованных трупа, судя по всему, мужчины и женщины. Эти люди погибли не от огня. Оба тела, как позволял рассмотреть свет фонарей, были пробиты пулями навывлет. Но исследование покойников – это не прерогатива спецназа военной разведки. Поэтому около машины никто надолго не задержался.

Поиск они собирались вести, как и положено, по часовой стрелке. Капитан Лукьяновский начал расставлять ментов в одну шеренгу, объяснял им, как и когда, а главное, на сколько следует сдвигаться влево, расширяя радиус поиска.

Но Алина осмотрелась кругом, сразу обратила внимание на густые кусты, растущие неподалеку, и зачем-то сунулась туда. Она осветила в эту гущу ярким, недавно заряженным фонарем, который взяла в своей машине перед выходом.

– Игорь Витальевич! – позвала женщина подполковника. – Здесь, похоже, кто-то долго лежал. Несколько веток сломано, и трава сильно примята.

Подполковник Речкин сразу подошел, добавил света своим фонарем. За ним к этому месту подтянулись и другие спецназовцы.

– Точно, – констатировал капитан Лукьяновский. – Отчетливая длительная лёжка. Трава тут действительно сильно примята. Кто-то забрался сюда вон оттуда. – Он осветил в сторону. – Точно, вокруг машины кто-то ползал. Разговоры, что ли, слушал. А ползал этот человек профессионально, отталкивался всей стопой, ребром берца, – добавил офицер, осмотрев следы при свете фонаря.

– А как еще можно отталкиваться? – проворчал ментовский майор, недовольный выводами спецназовца.

– Неумехи обычно, чтобы создать поступательное движение, при ползании отталкиваются одним носком. Но это и усилий больших требует, и сам толчок обычно в три раза слабее получается, и след в почве остается. Правда, обычно он бывает смазанным. Такая метода не обеспечивает достаточного упора. Кроме того, при необходимости с носка труднее резко вскочить, и скачок совершить невозможно.

– Что, кто-то за нами наблюдал, а мы и не видели? – Это открытие, похоже, больше всего раздражало ментовского майора. – Так можно было по одному всех нас захватить.

– Может быть, и за нами тоже следили, когда мы здесь были, – проговорил Речкин, смилостивившись над ментом. – Если не знаешь, что кто-то здесь должен прятаться, а этот человек хорошо замаскирован и умеет себя правильно вести, его никогда просто так не заметишь. Разве что случайно. Я лично много подобных случаев припомнить могу.

На мента эти вот успокаивающие слова подполковника спецназа военной разведки подействовали как бальзам. Он признавал авторитет и опыт этого человека и его сослуживцев, но категорически не желал показаться неумехой по сравнению с ними. Однако разница бросалась в глаза, потому майор нервничал.

– А вот и следы волочения. – Капитан Лукьяновский лучом фонарика показал на борозды, едва заметные в траве. – Это пятки старшего лейтенанта траву царапали. Я так думаю, что бедолагу этого сначала лишили сознания ударом сзади, а потом, скорее всего, добились, свернули шею, не желая оставлять кровавые следы на траве, и утащили куда-то в ту сторону, где его не сразу найдут. А когда обнаружат, если такое вообще случится, будет уже поздно. Преступник скроется.

– Лукьяновский, Заглушкин и Алина, пожалуй. Пройдите по следу волочения до конца. Поищите. А мы, как и прежде, круги будем наворачивать. Попрошу не ослаблять внимание,

подмечать любые мелочи, которые покажутся вам подозрительными. – Эта фраза была обращена к ментам. – Продолжаем поиск.

Капитан Лукьяновский отличался изрядной болтливостью, однако был лучшим следопытом в отдельной мобильной офицерской группе, и командир, конечно же, весьма ценил это его качество. Снайпер группы старший лейтенант Заглушкин имел, как ему и полагалось по должности, острый взгляд, мог замечать различные несовместимые мелочи, которые часто упускались другими. Его жена Алина была такой же просто в силу своей молодости, не отягощенной привычками и штампами.

Круги, обрисованные сотрудниками полиции и двумя немолодыми спецназовцами, ничего не дали. Правда, ментовский сержант нашел окурочек папиросы. Майор убрал его в пластиковый пакетик для экспертизы.

При этом подполковник Речкин находку прокомментировал:

– Судя по всему, это старый окурочек. Он даже слегка потемнел. К тому же это не сигарета, а папироса. Скорее всего, несколько дней назад здесь проходил кто-то из деревенских мужиков и окурочек бросил. Папиросы сейчас, мне кажется, только в деревнях и курят. Кроме того, я не верю в то, что человек, который нас всех выслеживал, в такое время стал бы беззаботно курить, рискуя себя выдать. Против нас работает профессионал, который не просто на работе курить не будет. Он вообще не имеет этой привычки. Ведь запах сигареты, выкуренной пару часов назад, в состоянии выдать любого наблюдателя. Порой даже за сотню метров, если ветер этому способствует.

– Может быть, – согласился ментовский майор, похлопывая себя по карману, в который положил пакетик. – Но я на всякий случай это возьму, чтобы передать следственной бригаде. Пусть их эксперты разбираются.

Спецназовцы вместе с ментами сделали еще два круга, а потом появился капитан Лукьяновский. Он прибежал к ним легко и быстро, совсем не запыхавшись, что говорило о мощных и здоровых легких человека некурящего, хорошо тренированного, и даже легкую гимнастику для восстановления дыхания делать не стал.

– Нашли тело старшего лейтенанта, товарищ подполковник, – доложил капитан. – Его до оврага дотащили и вниз сбросили.

– Тело? – переспросил майор Известьев.

– Тело. Уже не дышит. Шею ему свернули.

– Сделать это было не просто, – заметил мент. – Тут недюжинную силу пришлось приложить. Карасев имел хорошую спортивную подготовку, играл в волейбол за сборную района. Если рукой к чьей-то голове прикладывался, то целую неделю в ушах звон стоял. Да и сам из себя он жилистый был, крепкий. В обиду себя не давал.

– Похоже на то, что ему кто-то приложил сильно и очень точно. Если лишить человека сознания, то шею ему свернуть можно без особого труда. Он не сопротивляется, даже если она у него из одних мышц состоит. Они, кстати, накачиваются легче всех других мышц человеческого тела.

Мент потрогал свою шею, заплывшую жирком, словно проверил ее на прочность, и недовольно мотнул головой.

– А как его оглушили? Чем?

– Меня в тот момент рядом не было, – честно ответил капитан. – Не видел, что да как там приключилось. Могли камнем по затылку въехать, но тогда хотя бы кожа была рассечена. Однако на затылке и вообще на голове следов удара нет. Скорее всего, именно так и было, как Алина говорит.

– А что она говорит? – поинтересовался мент. – Эта женщина тоже из спецназа? Не из отряда ли «Фурия»? Они у нас в районе базируются, перед поселковой станцией.

– Нет. Она просто мастер спорта по боксу и имеет черный пояс по карате, – сказал Лукьяновский. – Алина говорит, что могли ударить сзади ладонью или кулаком под основание черепа. Это обычно заканчивается переломом и мгновенной потерей сознания. А потом уже шею свернули и унесли. Ташил старшего лейтенанта только один человек. Это точно.

– Почему вы так решили? – поинтересовался майор полиции, продолжая сомневаться в словах капитана Лукьяновского.

– Простая арифметика. На уровне начальной школы, – заявил тот капитан. – Было бы два человека, не имелось бы необходимости оставлять следы волочения. Эти двое просто взяли бы вашего старшего лейтенанта под мышки и за ноги, да и отнесли. А одному пришлось тащить волоком.

– А кто мешал человеку тело на плечо взвалить? – Известьев никак не желал согласиться с доводами Лукьяновского и искал контрдоводы, хотя особых причин для этого у него не находилось.

Просто не понравился ему Лукьяновский, да и все тут.

Но капитан и на этот вопрос ответил вполне убедительно:

– Физических сил не хватило. В овраге остался след убийцы. Я измерил. Получается тридцать восьмой размер берцев. Это значит, что человек и роста не самого высокого, и сил не геркулесовских.

– Тело Карасева несут сюда?

– Нет. Оставили на месте до приезда следственной бригады из Москвы.

– А что, у вас в районе своих следаков не хватает? Зачем было москвичей вызывать? – спросил Игорь Витальевич.

– А кто их вызывал? Я только номер машины передал к себе в райотдел. Там выяснили через всероссийскую базу данных, кому машина принадлежит, и сообщили в ФСБ. Мне сказали, что к нам выезжают бригады следственного комитета и областного ФСБ. Машина все же на их полковника зарегистрирована. Видимо, и в райотделе подсуетились, чтобы дело сбросить. Нам тоже лишняя мокруха не нужна. Своей вполне хватает.

– Часто у вас такое случается?

– Бывает. Мужик жену к кому-то приревновал. Два соседа за столом сидели, потом один другого топором по голове погладил. Ни за что. Просто так, ради уважения. То туристы пили, и один другого в речку столкнул, утонул парень. Недавно заместителя главы районной администрации снайпер застрелил. Прямо в воротах птицефабрики. Этот тип взяточник был еще тот, всем известный, но мы при всем старании никак его не могли за жабры ухватить. Это дело тоже следственный комитет себе забрал. Или даже ФСБ. Я не очень-то в курсе, в то, что меня не касается, стараюсь не вникать. Своей головной боли хватает.

– Не зря, значит, я жене говорил. Как только посмотрели дом, деревню, я сразу ей сказал, что здесь все криминалом провоняло. А она свое гнула. Мол, детство это мне напоминает. Я растаял, уступил. А в первый же день, почти на наших глазах! Да уж, тот еще райончик нам достался.

– Нет, – не согласился майор. – Места у нас здесь хорошие, красивые, более-менее тихие в сравнении с другими районами. А криминал теперь везде, куда ни посмотри. Такое, товарищ подполковник, по всей стране сейчас творится.

– Только не везде из крупнокалиберных пулеметов стреляют. – Последнее слово подполковник оставил за собой.

Со стороны оврага пришли Заглушкин и Алина.

– Мы там отметили место, – сказал старший лейтенант. – На дерево носовые платки привязали. С двух сторон. Прямо под ним можно в овраг спуститься. В нем густо папоротник растет. Тело среди него лежит. Сверху сразу и не заметишь.

– Мне теперь с женой его объясняться придется, – проговорил майор полиции. – А она баба скандальная. Будет деньги требовать, компенсацию за потерю кормильца. Что-то, конечно, выделят, но ей всегда всего мало. Такая уж по характеру. Лучше я его сестре скажу.

– По платкам на дереве вы теперь место найдете, – сказал ему Речкин.

Он хорошо знал, что днем, на солнечном свету, то самое место будет выглядеть иначе, и найти его станет сложнее. Тем более тем, кто там не бывал. Да и показать тело следователям будет уже больше некому. Поэтому старший лейтенант и проявил заботу, повязал платки. Заглушкин понимал, что внешний вид местности изменяет не только подступившая темнота. Свет после нее также дает искаженное понятие о ней.

Майор Известьев понял, что спецназовцы собрались отправляться домой, но на всякий случай все же спросил подполковника:

– Вы следственную бригаду дожидаться не будете?

– А зачем это нам надо? Мы с этим народом еще на Северном Кавказе наобщались по горло. После каждой операции приходилось им рапорта писать. Вы сами этим ребятам все расскажете и объясните. Возникнут вопросы, пусть заходят даже ночью. Мы привыкли в любое время суток работать. На калитке у меня звонок есть. Однако прошу на кнопку не давить, чтобы женщин не поднять. Пусть следаки негромко постучат. Я чутко сплю, услышу и открою. Ну, удачи вам! Мы пошли. А то уже скоро светать начнет. Надо поспать людям. Им до Москвы ехать.

– Уже уезжают? – спросил майор.

– Они и приезжали только на новый дом посмотреть да с праздником друг друга, меня и жену мою поздравить. Дома у всех собственные заботы.

Когда спецназовцы вместе с Алиной уже вышли на опушку леса, подполковник Речкин обернулся, глянул на ментов и увидел, что майор с кем-то по телефону разговаривает. Видимо, следственная бригада уже была на подъезде и потребовала себе проводника до места происшествия.

Но самого Игоря Витальевича это касалось мало. Он вошел в высокую траву бывшего узкого поля, отгораживавшего лес от деревенских огородов. Там когда-то была пашня. От нее остались отчетливые борозды, через которые ему пришлось шагать. Из-за них трава тут росла неровно, как-то полосато.

Жены офицеров уже устраивались спать. Елизавета Андреевна заранее распределила места, согласовала их с женщинами. А сами спецназовцы могли устроиться где угодно. Как они сами говорили, было бы можно ноги вытянуть. А таких мест в доме и во дворе хватало.

Сразу ушла и легла на матрац, постеленный на пол, Алина, не имеющая привычки к ночным поисковым мероприятиям. Мужчины еще некоторое время посидели во дворе. Потом подполковник с майором ушли в дом, где им были отведены места, а капитан со старшим лейтенантом забрались на старый сеновал.

Прежние хозяева этого дома держали корову. На чердаке сарая, где она обитала, был уложен толстый пахучий слой скошенной травы. Конечно, на сеновале слегка доставали комары, но не настолько, чтобы мужчины не могли уснуть. Тем более что в мае этих кровопийц еще мало.

Однако поспать подполковнику толком не удалось. Около пяти утра в калитку кто-то негромко постучал. Подполковник Речкин сразу поднялся, быстро сполоснул глаза под ручкой и тихо вышел из дома, стараясь никого не потревожить. Ночью он просыпался несколько раз, но не от стука в калитку, а от громкого салюта, который запускали над рекой какие-то любители шумного отдыха. Оттуда доносились возбужденные голоса.

Елизавета Андреевна тоже просыпалась и ворчала по поводу того же салюта:

– Люди в тишину отдыхать уезжают, подальше от городского шума. А эти недоумки сюда его привезли. Еще бы и музыку громкую с собой взяли! Совсем люди без голов.

Выйдя во двор на стук в калитку, Игорь Витальевич убедился в том, что про музыку отдыхающие не забыли. Здесь она была слышна хорошо, хотя и звучала в отдалении.

– Да как сами они от этой своей какофонии не оглохнут, меломаны хреновы? – сказал он сам себе, поднял голову и увидел, что от калитки к нему идут старший лейтенант Заглушкин и какой-то высокий и худощавый человек в штатском.

Видимо, старший лейтенант проснулся от того же стука и вышел открыть калитку раньше, чем это сделал сам Речкин. Но Заглушкину было ближе добираться до калитки. Только соскочи с чердака, сделай четыре шага, и готово.

Человек в штатском держал в левой руке не особо толстую кожаную папку, правую протянул Речкину и представился:

– Старший следователь подполковник Савинков, управление ФСБ России по Московской области. Максимом Анатольевичем меня зовут.

– Подполковник Речкин Игорь Витальевич, спецназ Главного управления Генерального штаба, – назвалса хозяин дома и показал рукой на стол, крышка которого лежала на столбах, врытых в землю. По все четыре стороны таким же способом были установлены скамейки. – Давайте присядем. В ногах, как я слышал, правды нет.

Подполковник сдвинул посуду ближе к середине стола, чтобы гость мог положить на него свою папку. Но тот устроил ее на коленях, а на стол поставил локти и стал протирать себе лицо ладонями так, словно разгонял сон.

– Лучше уши потрите, – посоветовал ему подполковник спецназа. – Мы в боевой обстановке всегда этим способом пользуемся, когда хотим полностью сон разогнать. У нас случается так, что по трое суток бой длится. Совсем недавно такое было, перед самым возвращением. Даже чуть больше трех суток продолжалось. Бандиты имели возможность меняться, а нас всего девять человек было. Об отдыхе и речи идти не могло. У моего заместителя в тот раз уши чуть не отвалились. Так старательно он их растирал.

– Спасибо за совет, – сказал подполковник ФСБ. – Так расскажите мне, Игорь Витальевич, что тут произошло. С самого начала давайте начнем...

Подполковник расстегнул на удивление послушный замок-молнию на сумке. Обычно они заедают и подчиняться не любят. Он вытащил оттуда стопку бланков протоколов допроса, приготовил ручку, чтобы записывать, и положил на стол смартфон с включенным диктофоном.

– Прежде всего давайте шапку протокола заполним, а потом вы все расскажете, как было дело, что вас толкнуло пойти в лес.

К заполнению протоколов подполковник Речкин привык еще во время своих командировок на Северный Кавказ. После каждой операции ему приходилось писать два экземпляра рапорта, один для командования, второй для следственной бригады. С прибытием таковой обязательно составлялся протокол допроса, словно отдельная мобильная офицерская группа не уничтожала бандитов, а воевала против мирных жителей.

Это слегка обижало Речкина, но однажды один из руководителей следственной бригады объяснил ему, что это необходимо для подтверждения гибели всяческих негодяев и снятия их с розыска, для сокращения длинного списка тех персонажей, которые уехали в Афганистан, Ирак или Сирию воевать за ИГИЛ.

Порой отдельная мобильная офицерская группа использовалась и для уничтожения тех же бандитов на чужой территории. Например, на счету Речкина и его людей было две командировки в Сирию. Там они, усиленные бойцами частной военной компании и офицерами военной полиции, уроженцами республик Северного Кавказа, отслеживали и уничтожали банды своих соотечественников, старались не допустить их возвращения в родные горы.

В Сирии, правда, дело обходилось без сотрудничества со следственной бригадой. Однако военная полиция вела собственный учет бандитов, регистрировала уничтожение каждого из них, в том числе с помощью фотофиксации, поэтому сама и протоколы писала.

Сейчас же, как понял Речкин из объяснений подполковника Савинкова, дело расследуется ФСБ не только потому, что убит предположительно полковник этой службы Никитин. Причина еще и в том, что при совершении данного преступления был применен крупнокалиберный пулемет, оружие специфическое, несколько не характерное для обычных уголовников.

На встречный вопрос Игоря Витальевича о том, почему жертвой только предположительно был полковник Никитин, ответ последовал конкретный:

– Идентифицировать тело без экспертизы невозможно. Жена полковника Никитина давно умерла, остался сын-студент, но и он опознать отца едва ли сможет. Лицо сгорело полностью, а тело сильно обожжено. Вдобавок в него угодило три крупнокалиберные пули. Вы наверняка хорошо представляете себе, что они натворили. Поэтому уверенности в том, что это полковник Никитин, нет никакой. Но у него был и, возможно, есть еще старший брат, который часто пользовался машиной полковника и даже имел от нее собственные ключи. Этот человек – крупный предприниматель, миллиардер. Он, разумеется, имеет несколько собственных автомобилей, но почему-то нравится ему ездить на «Лендкрузере» брата. Причем гоняет он всегда слишком уж излишне быстро, вероятно, пользуется тем, что номер этой машины известен ГИБДД. Инспекторы не желают влезать в какой-то скандал, предпочитают ее не останавливать. Телефоны полковника и его брата не отвечают. Личность погибшего на данный момент не установлена, как и его спутницы. Документы сильно пострадали в огне. Впрочем, в женской сумке они более-менее целы, но экспертизе предстоит с ними изрядно повозиться, чтобы что-то разобрать.

Шапка протокола была благополучно заполнена, и два подполковника приступили к основной части допроса. Старшего следователя ФСБ больше всего интересовал вопрос о том, что толкнуло офицеров пойти в лес, где стрелял пулемет и разгорался пожар.

Он просто не понимал ситуацию, о чем подполковник Речкин прямо ему и сказал:

– У вас, Максим Анатольевич, типичная психология москвича. Что бы ни случилось, но если не со мной, то это меня не касается. Я лично много раз с подобным сталкивался, с тех пор как в Москву переехал. А мы, офицеры спецназа военной разведки, по сути своей являемся спасателями, особенно в боевой обстановке. Такова уж наша психология. Именно поэтому мы пошли туда. Нас толкнула в лес наша постоянная готовность оказать помощь людям, попавшим в беду. Но сделали мы это не сразу, сперва сориентировались. Сначала слышали пулеметные очереди. Это мы по звуку определили. Сидели, обсуждали, пытались вычислить, какой пулемет стрелял – «Утес» или «Корд». Потом, когда Андрей Владимирович, то есть капитан Лукьяновский, увидел пламя в лесу, решили сходить. Нас еще жены отговаривали, говорили, что кто-то костер жжет. Но ведь они не понимают, что такое крупнокалиберный пулемет, не догадываются, что он не в каждом сарае и не на любом чердаке валяется.

– Но это же могло быть опасно, – заметил подполковник ФСБ.

– Естественно. Именно потому мы и пошли туда. У каждого из нас имеется наградной пистолет. Это в умелых руках тоже оружие серьезное. За тридцать-сорок метров мы промахиваться не умеем даже из пистолета. Да и сам лесной пожар – это тоже немалая опасность для деревни. Вся она запросто может за пять минут выгореть. Как раз когда мы подходили, машина взорвалась. Трава и деревья гореть начали. Поэтому я сразу позвонил в пожарную службу, а потом уже и в полицию. Пожарные первыми приехали. Потом и полиция пожаловала.

– Хорошо, товарищ подполковник. Я лично ваши действия принимаю и одобряю. Теперь перейдем к гибели старшего лейтенанта полиции Василия Николаевича Карасева. Что вы про это можете рассказать?

Подполковник Речкин подробно описал все, что происходило после звонка майора Известьева с просьбой о помощи.

Савинков подробно записал его показания, дал прочитать Игорю Витальевичу и попросил:

– Укажите вот тут: «С моих слов записано верно, мною прочитано и подписано». Теперь я попрошу ваших товарищей пройти ту же процедуру. Только беседовать с каждым мне хотелось бы наедине.

– Как скажете. Только на один вопрос ответьте. Мы что, подозреваемые?

– Пока я не в состоянии сказать ни «да», ни «нет». Идет доследственная проверка, в ходе которой выяснятся основные направления нашей деятельности.

– Ну-ну. Так вы всех людей скоро отучите вмешиваться в проблемы такого рода. Моих товарищей как будете допрашивать? По старшинству?

– Как вам удобнее.

– Тогда давайте в обратном порядке, – предложил Речкин.

Он увидел, что в окно сеновала высунулся старший лейтенант Заглушкин, и жестом позвал его к столу.

После этого командир группы ушел в дом, где уже поднялся майор Комогоров, не особый любитель поспать.

– Подожди, Сергей Сергеевич, там допрашивают Заглушкина, потом Лукьяновский на очереди, а после него и с тобой побеседуют.

– А что мне там говорить-то? – отставной майор привычно желал получить команду.

– Что было, то и говори, – заявил подполковник. – Или разучился с выходом на пенсию?

Глава 3

Водитель броневедомобиля начал сигнализировать еще за пятьдесят метров до ворот базы, как только «Тигр» попал под свет фонарей, укрепленных на столбах. Дорога, ведущая к этим воротам, была покрыта бетоном всего на полсотни метров от них. Это сделали сами женщины, бойцы отдельного особого отряда спецназа МВД «Фурия». Поэтому бетонка пока еще не была обозначена ни на каких картах. На продолжение дороги даже до районного центра просто не было денег. Командир отряда обещала вскоре найти их и продолжить строительство. Однако с того дня прошло уже полтора года. Первая часть дороги начала разрушаться, поскольку бетон был не армированным.

Дежурная по КПП сигнал машины услышала, саму ее, посмотрев в окно, узнала и сразу послала свою помощницу из состава гарнизонного караула открыть ворота.

Поэтому броневедомобиль проехал на территорию базы без остановки, если не считать короткого момента торможения, при котором с переднего сиденья высунулась женщина с погонами подполковника и крикнула помощнице дежурной:

– Позвони на склад! Пусть встречают.

Та вытянулась по стойке «смирно», козырнула и заявила:

– Есть позвонить на склад.

Но звонить она пошла только после того, как закрыла ворота за броневедомобилем.

Сама территория базы отдельного особого отряда спецназа МВД «Фурия» была относительно компактной, особенно в сравнении с другими воинскими частями, обычно проживающими в стандартных типовых городках независимо от ведомственной принадлежности. Ведь строить таковые было проще и дешевле.

Но здесь и сам состав отряда лишь незначительно превышал сотню человек, что само по себе подразумевало компактность. По меркам других спецподразделений это что-то около роты или даже меньше. Но ротой обычно командует капитан, а командир «Фурии» носил звание подполковника внутренней службы, то есть полицейское, а не воинское, и это объясняло многое.

Хотя порядки в отряде подполковник Афина Яковлевна Заварзина старалась поддерживать армейские, и отношения в нем были примерно такими же. Прежде всего это касалось дисциплины и подчинения старшим по званию.

Но мало кто знал, что прежде имя командира было иным – Аделаида. Только потом, уже начав воплощать в жизнь собственную идею о создании женского отряда спецназа, она сменила его на теперешнее, получила новые документы и стала Афиной. Это имя женщина выбрала не случайно. Ведь именно Афина Паллада, дочь великого громовержца Зевса, согласно мифам Древней Греции, управляла настоящими фуриями.

В расположении отрядной базы броневедомобиль сначала заехал на огороженную территорию складских помещений. В одном из них сразу распахнулись ворота. По пандусу, сделанному из рифленого листового металла, усиленного швеллерами, «Тигр» сначала поднялся на дебаркадер, пересек его поперек, а потом закатил и внутрь склада. Ворота сразу закрылись. В помещении было включено освещение.

Задняя дверца автомобиля открылась. К ней вразвалочку подошла немолодая, очень крепкая, физически развитая кладовщица. Она двумя руками приняла пулемет «Корд», поданный ей из машины, и унесла его на полку. После чего женщина вернулась, чтобы забрать еще и коробку с патронной лентой.

– Новый ствол поставь, а старый почистить не забудь, – сказала ей из машины другая женщина, слегка высунув из дверцы плечо и показав свой погон.

– Сделаю, товарищ капитан, – меланхолично ответила кладовщица, на лице которой не было никаких эмоций.

Эта особа почему-то двигалась словно зомби, при этом смотрела не себе под ноги, как делал бы обычный человек, а прямо перед собой, и только каким-то чудом не спотыкалась и не падала. Выручала ее, видимо, привычка ходить по этому складу даже в полумраке, без включенного света.

– Ну что, товарищ подполковник, я в казарму? – спросила капитан.

– И я, наверное, с ней вместе? – осведомилась другая женщина, снайпер, старший лейтенант Светлана Лопухина.

– Идите отдыхайте, – разрешила им Афина Яковлевна.

– А я сперва в гараж, – сказала морщинистая женщина с молодыми глазами в погонах старшего прапорщика, водитель броневедомобиля Лидия Соловейко. – Сменю колеса и полный бак горючки залью.

Капитан и старший лейтенант тут же покинули машину, ворота распахивать не стали, вышли через дверь в них и плотно прикрыли ее за собой. Кладовщица появилась из-за стеллажей, быстро и легко опустила на место защелку, обернулась и глянула в сторону «Тигра».

Подполковник требовательно махнула рукой, и кладовщица распахнула ворота.

Афина Яковлевна повернулась к водителю и проговорила:

– Да, поезжай в гараж, все сделай. И машину помой. А я пока с этой кладовщицей тут разберусь. – Она вышла из машины.

Броневедомобиль легко проехал по дебаркадеру и спустился по металлическому настилу. Кладовщица проводила машину взглядом, только после этого закрыла ворота склада и повернулась лицом к командиру отряда.

Афина Яковлевна шагнула к ней и вдруг сказала:

– Снег завтра будет сильный.

Этой фразой была пущена в ход техника мгновенного гипноза. Такие вот нелепые слова заставили психику немолодой женщины полностью раскрыться.

– Да какой снег, товарищ подполковник, – промямлила кладовщица. – Сегодня жара под тридцать. Завтра уже десятое мая. Синоптики обещают, что будет еще жарче.

Афина Яковлевна махнула ладонью перед лицом этой женщины и тут же рявкнула:

– Спать! Спать, я сказала! Завтра будет холодно, и пойдет снег! Повтори!

– Завтра будет холодно, и пойдет снег, – проговорила кладовщица совершенно бездумно.

В этот момент она выглядела стопроцентной сомнамбулой.

– Сейчас ты выполнишь все, что тебе приказала капитан Крошкина, и только потом пойдешь домой. Что ты скажешь мужу?

– Он уже два раза звонил. Я сказала, что оружие принимаю. Привезли две машины. Как все закончу, сразу домой. Он не ждет. Спать, думаю, залег. Ему завтра с утра на работу.

– А если выспрашивать что-то начнет?

– Я ему так выпишу, что надолго охоту спрашивать отобью. – Кладовщица подняла тяжелый кулак, словно желая продемонстрировать, что именно она сделает с мужем.

Суставы в пальцах звучно хрустнули.

– Хорошо. Сейчас ты сделаешь все, что надо, потом пойдешь домой и ляжешь спать. На работу разрешаю прийти после обеда. Ты успеешь хорошо отдохнуть и забудешь все, что было сегодня ночью. Вспомнить об этом ты сможешь только по моему приказанию. Никто, кроме меня, не сумеет ничего у тебя узнать. Поняла?

– Я поняла. Не смогу вспомнить, – ответила сомнамбула.

– Все. Закрывай за мной дверь и помни, что я сказала!

Афина Яковлевна решительно вышла за дверь, за воротами дождалась, когда шелкнет задвижка, после чего пошла в сторону КПП, где точно так же обработала двух женщин, несущих там службу. Потом она сходила в гараж и провела сеанс гипноза с дежурной.

Теперь командир отряда могла дожидаться возвращения капитана Беспаловой, разведчицы с позывным Анаконда, оставленной в лесу. Подполковник Заварзина знала, что та не любит проходить через КПП. Ей всегда проще перебраться через забор. Опытная разведчица знала все три участка, где ограждение не просматривалось на мониторах дежурной по части.

На этом дела нынешней беспокойной ночи должны были завершиться.

Анаконда, то есть капитан Любовь Геннадьевна Беспалова, среднего для женщины роста, крепко сбитая, занималась бегом до двадцати семи лет. Она уже оставила спорт, но даже теперь, в свой тридцать один год, без всяких проблем ускорила и догнала грузовой полувагон, расположенный в середине состава. Здесь железная дорога уходила под гору, и электровазы в этом месте всегда притормаживали, скрипя тормозными колодками.

Левая рука Анаконды привычно, как было многократно отработано на тренировках, ухватилась за ручку, расположенную прямо над короткой лесенкой, сбоку вагона, около переднего правого угла. Правая при этом придерживала пистолет-пулемет ПП-2000 с глушителем и ночным оптическим прицелом «Шахин», висящий на ремне. Но пистолет-пулемет пришлось отпустить, когда левая нога в прыжке достала до первой ступеньки короткой лестницы. Любовь Геннадьевна ухватилась за ручку уже двумя руками, потом правую перебросила за угол, нащупала там большую лестницу и поставила на нее ногу, до этого находящуюся на весу. Все это было у нее доведено до автоматизма.

Анаконда знала, что короткие лестницы и ручки над ними обычно используются на станциях железнодорожными рабочими для передвижения. Потому они, видимо, и ставятся, что являются относительно безопасным методом переезда от состава к составу, от места к месту. А вот больших лестниц на торцах не имеет примерно треть всех вагонов. Их заменяют скобы, просто приваренные над маленькой лестницей. Но она специально выбрала такой, где ей было удобно работать. Анаконда оказалась на большой лестнице и легко забралась через верхний край в полувагон, наполненный каменным углем.

Любовь Геннадьевна хорошо знала, что уголь рассыпается по всему вагону только при очень длительной езде. В начале пути углы обычно бывают едва ли не пустыми. А этот был загружен относительно недавно. Куча угля терриконом возвышалась над бортами, как засыпалась в вагон из бункера на карьерном загрузочном терминале.

Поэтому Анаконда сразу забралась в свободный угол и спокойно доехала почти до следующей станции, где вагон без проблем покинула. Ей осталось пройти пару километров через жидкий молодой хвойный лесок, выросший самосевом на поле, теперь, после развала колхоза, совершенно заброшенном.

Она этот лесок преодолела бегом, но не потому, что боялась укусов клещей, особенно активных именно в мае месяце. Анаконда хорошо знала, что клещи реже живут на елках и на соснах, чем на траве и лиственных деревьях. Более того, деревенские бабушки из хвойного концентрата готовят прекрасные самодельные препараты от клещей, порой куда более действенные, чем всякие аптечные и магазинные средства. Просто Анаконда чувствовала в себе много сил, потому и бежала. Еще она знала, что командир ждет ее.

Так женщина оказалась неподалеку от забора, окружавшего базу отдельного особого отряда «Фурия». Она спряталась за елками, росшими у ограды, и легко нашла одно из трех мест, не просматриваемых видеокамерами наблюдения.

Дальше ей предстояло незаметно проползти четыре метра. Уже начало светать, и потому этот участок казался самым опасным. Но Анаконда прекрасно помнила, что как раз в это время

у дежурной, наблюдающей за мониторами, сильно устают глаза, подступает сонливость, значит, рассеивается внимание. Экранов много, следить требуется за всеми одновременно.

Кроме того, Любовь Геннадьевна умела оставаться незамеченной при передвижении. Этому способствовал и ее костюм из специальной ткани, не выпускающий тепло тела наружу даже после непродолжительного бега, когда мышцы разгорячены. Из такой же ткани шьются костюмы для комплектов экипировки «Ратник». Но она поставляется в войска, в армию, тогда как капитан Беспалова представляла спецназ МВД.

Обычно он носит черную униформу. Но командир «Фурий» подполковник Заварзина сумела настоять на том, что женскому отряду требуется особая одежда, отличная от обычной и соответствующая армейскому образцу, то есть пригодная для проведения операций вне городов и иных населенных пунктов. Она же смогла вытребовать и особую ткань со специальной пропиткой, на которую не реагируют тепловизоры камер видеонаблюдения, не поднимают тревогу.

Поэтому перед тем, как проползти последний участок, Анаконда надела перчатки, чтоб автоматика камер наблюдения не сработала на «свечение» рук. Свою маску, не имеющую пропитки, она сменила на камуфлированную тканевую и без суеты, спокойно переползла опасный контролируемый участок, сливаясь с травой и словно бы растворяясь в ней.

Датчики движения на камерах среагировали бы, если бы Любовь Геннадьевна попыталась этот участок перебежать. Но они не срабатывают на движение веток и травы под ветром. Так уж настроена автоматика программы контроля «Замкнутый круг». Она измеряет даже силу ветра и за несколько секунд после включения адаптируется под колебания растительности на наблюдаемом участке.

Поэтому Анаконда должна была синхронизировать свое перемещение с движениями высокого ковыля и еловых лапок. Поползешь быстрее – программа контроля «Замкнутый круг» среагирует, поднимет тревогу, и по ту сторону забора тебя уже встретит караул. Будешь передвигаться медленнее, потеряешь время. Надо уловить темп и выдерживать его.

Анаконде в очередной раз удалось это сделать. Добравшись до места, где ее уже не могли увидеть, она встала в полный рост и встряхнулась как собака, выбравшаяся из реки. При этом она отлично знала, что такое вот движение предназначено вовсе не для сбивания с себя пыли или воды, как считают многие собаководы, а только для улучшения работы капиллярных сосудов в теле и повышения чувствительности.

После этого женщина подошла к бетонному забору вплотную, вытащила из-под нижней его части кусок бревна и нырнула в дыру. Теперь ей осталось преодолеть последнее препятствие уже на территории самой базы. Открыв карман с пуговицей вместо шуршащей липучки, она вытащила оттуда специальные затемненные очки с питанием от аккумулятора, надела их и сразу увидела перед собой несколько синих линий. Это была охранная система лазерного контроля территории «Периметр».

Здесь торопиться не следовало хотя бы потому, что малейшее прерывание лазерного луча способно вызвать тревогу на пульте у наблюдателя. Система «Периметр», вообще-то, часто срабатывает даже на пролет мелкой птички. Но это неизбежность, с которой караул привык мириться. Ведь «Периметр» обеспечивает безопасность базы. Подтянув на себе всю одежду, взяв в руку пистолет-пулемет так, чтобы ремень не свисал, Анаконда аккуратно переступила через один лазерный луч и поднырнула под следующий.

Теперь дело было сделано. Женщина спокойно пошла в сторону канцелярии, где ее должна была ждать Афина Яковлевна Заварзина.

Доклад капитана Беспаловой оказался более продолжительным, чем хотелось бы подполковнику Заварзиной. Афины Яковлевны больше всего заинтересовал эпизод со старшим лейтенантом райотдела полиции из Белореченска.

– Я так и не увидела необходимости в его ликвидации, – заявила она.

– Он прямо на меня пошел, – объяснила Анаконда. – Я в высокой траве лежала. Подумала, что, наверное, пошевелилась не так. Он что-то заметил, по крайней мере, затвор автомата передернул, предохранитель опустил и на меня двинулся. Я стрелять не стала, слышно было бы лязганье затвора. При стрельбе звучит громче, чем при ручном передергивании. Кроме того, этот мент был в бронежилете. Пуля в него ударит, тоже звук будет громкий. Поэтому я не стреляла, хотя держала его на прицеле. Хорошо, что он в этот момент один был. Будь хоть кто-нибудь с ним, мне пришлось бы стрелять. А так он даже до меня не дошел, просто номер на машине посмотрел – спереди он от огня не пострадал – и передал своим. Их командир стал звонить, чтобы владельца вычислить.

– И что?

– Мент сначала по кругу машину хотел обойти и даже мимо меня прошел, но тут же обернулся и в мою сторону стал посматривать. Сначала он ничего не увидел, еще несколько шагов сделал и только после этого, похоже, сообразил что-то, спросил: «Кто там?» Я, конечно, ничего не ответила, но когда он от меня удалялся, в сторону отползла, где могла за деревом спрятаться. Там у самой земли развилка березы начинается. Укрыться легко, особенно в темноте. А она лесная была, густая.

– А как же горящая машина? – с подозрением спросила подполковник.

– Так пожарные ее всю пеной залили. Там ни одного кустика пламени не осталось.

– А как же другие там смотрели? Менты и эти военные?

– Они все с фонариками были. Те сильные, точками бьют. А при этом вокруг вообще ничего не видно. Попробуйте сами, Афина Яковлевна. Посветите фонариком, а потом оглядитесь. Только темнота вокруг и будет.

Анаконда сняла со своего пистолета-пулемета подствольный тактический фонарь и протянула командиру. Подполковник Заварзина взяла его в руку, выключила настольную лампу, настроила фонарик на точечный свет, направила на стену, потом резко повернула голову в сторону.

– И в самом деле ничего не видно, – сказала она. – Ладно, что дальше было?

– Этот мент подошел, стал светить в место, где я лежала, даже на колени встал, нашел сломанную ветку. Я своим стволом ее задела.

– Это ты неосторожно сделала.

– Да, я признаю вину. Но мент как раз обернулся, чтобы своих кого-то позвать, и мне затылок подставил. Я ему ногой в основание черепа ударила, он и рухнул. Я тут же ему шею свернула, потом отгасила в овраг и в заросли папоротника сбросила. Там тело не скоро найдут. Потом назад вернулась. А менты как раз стали этого старлея звать, собрались поиски начать. Мне пришлось в кустах залечь. Они мимо прошли, чуть мне на локоть не наступили, но не нашли никаких следов. Я чисто сработала. Тогда их майор стал военным звонить, позвал помочь в поисках. Я поняла по разговору ментов, что те парни из военной разведки.

– Надеюсь, это не спецназ ГРУ? Или как они теперь называются? Спецназ Главного управления Генерального штаба? Так, кажется.

– Так, товарищ подполковник. Но я слышала, они просят, чтобы им прежнее название вернули. Не знаю, произойдет ли такое. Это же большие деньги – переименование. Печати надо менять, бланки, удостоверения и прочее. Может, на этом кто-то просто заработать хочет?

– Да. Это дело хлопотное. Много бюрократии. Так что там за разведчики были? Не спецназ?

– Я не знаю, слышала только, что про военную разведку говорят.

– Нам не хватало только со спецназом ГРУ поцапаться. Хватит с нас заместителя главы районной администрации и полковника ФСБ. Не хватало только с этими столкнуться. В спец-

назе ГРУ служат парни серьезные. Там даже простые солдаты ни разу не подарок. А эти, ты говоришь, офицеры?

– Я так поняла по их возрасту и внешнему виду. Двое вообще, похоже, из старших, не молоды, хотя держатся хорошо. Но я ждать не стала. Разведчики найти меня могли. Поэтому я по кругу ушла в сторону железной дороги, а потом сюда сразу подалась.

– И правильно сделала. Сейчас иди отдыхать. Я тоже пойду. С утра возьми машину, узнай, что там за разведчики ментам помогали. Я должна быть в курсе событий. – Афина Яковлевна встала.

Поднялась и Беспалова.

– Разрешите идти?

– Иди.

Анаконда первой вышла из кабинета и направилась в казарму. У нее, офицера, был там свой отдельный кубрик. Она быстро переоделась, приняла душ, разобрала постель, легла, но долго не могла уснуть.

Ей было что вспомнить. Она так и не решилась сказать об этом своему командиру, хотя та, кажется, почувствовала, что Анаконда умолчала о чем-то важном.

Глава 4

Со старшим лейтенантом Васей Карасевым Анаконда была знакома давно и хорошо. Когда-то в ее жизни, еще полностью гражданской, присутствовал музыкант, скандалист и пьяница Дмитрий. Она разорвала все отношения с ним, но он буквально преследовал ее, хотя имел и жену, и почти взрослого сына.

Любовь Геннадьевна познакомилась с ним, когда жила одна, в однокомнатной квартире, расположенной на первом этаже и полученной некогда за успехи в спорте. Это было не очень удобно со многих точек зрения, особенно для одинокой женщины. Тем более что квартира была с балконом, забраться на который без всяких проблем мог любой человек, кому вздумается это сделать. Иногда такие персонажи находились.

Страх она тогда натерпелась немало. Ей приходилось и в подъезд выскакивать, чтобы разбудить стариков-соседей, и в форточку кухонного окна кричать, звать на помощь мужчину, проходившего мимо, от которого потом тоже было тяжело избавиться. Жизнь легкостью Любовь Геннадьевну не баловала никогда.

А потом появился этот музыкант. Злой и пьющий, он все же был хоть какой-то защитой от непрошенных гостей, которые вдруг перестали появляться. Она же посчитала, что это никак не связано с его появлением в ее жизни. После того как музыкант начал распускать руки, она его попросту выгнала и даже ключи от квартиры забрала.

Люба Беспалова тогда работала тренером в детско-юношеской спортивной школе. Ей было просто стыдно появляться перед детьми с синяками, старательно замазанными гримом. Дети обычно понимают больше, чем показывают окружающим.

Но Дима так просто расставаться не желал. Он взял манеру приходить к ней вечерами изрядно пьяным, подолгу колотил в дверь, требовал открыть ее и пару раз даже бил камнями окна.

Тогда же Любовь Геннадьевна пожаловалась старой школьной подруге, и та обещала помочь, поговорить со знакомыми ментами. Белореченск – поселок городского типа, довольно большой. Однако отдел полиции там всего один. Диму менты нашли быстро. Они прямо в наручниках привезли его домой к Любове Геннадьевне и жестоко избили прямо при ней.

Руководил всем этим как раз лейтенант Вася Карасев. После избиения он предупредил Дмитрия, что если он еще хотя бы раз здесь появится, то его ждет срок. Любовь Геннадьевна тогда Дмитрия даже пожалела и попыталась защитить.

Менты его увели, едва дышащего, сказали ей, что домой отвезут. Но потом она узнала, что они выбросили Дмитрия за поселком, на свалке. Он долго лежал там, жутко замерз и только глубокой ночью, едва живой, сумел добраться до дома.

К ней Дмитрий больше не приходил, а вскоре и вообще умер. Отказали почки. То ли от чрезмерного потребления алкоголя, то ли были просто отбиты ментами.

Его место тут же попытался занять лейтенант Карасев. Он взял манеру после выпивки, каковая случалась у него почти каждый день, заезжать к Любове Геннадьевне со своими притязаниями, требовал благодарности за помощь. Один раз она ему уступила, надеялась, что этого хватит, но Карасев стал еще более настойчивым.

Избавиться от назойливого лейтенанта ей помогла новая знакомая, подполковник спецназа полиции Афина Яковлевна Заварзина, которая заходила в спортивную школу, посматривала на воспитанников, решала, кто из них на что может сгодиться. Она просто стала каждый вечер приходить домой к Любове Геннадьевне. Дважды в ее присутствии туда приезжал лейтенант Карасев. Его, похоже, сильно пугали погоны подполковника. Вел он себя предельно скромно, а потом и вовсе перестал появляться. Оказался понятливым.

– Он вас испугался. Все-таки вы старше его по званию, – сказала тогда Любовь Геннадьевна. – Решил, что я вам пожалуюсь. Хорошо, если этот тип навсегда дорогу сюда забыл.

– А ты что, сама за себя и постоять не можешь? – спросила Заварзина.

– Я не умею драться так, как мужики.

– Приезжай к нам в отряд. Сначала просто обучение пройдешь, драться научим, потом в штат тебя, если будет что-то получаться, возьмем. Сначала просто бойцом, потом и офицерское звание присвоим как человеку с высшим образованием. Мы как раз сейчас личный состав себе подбираем. Нам спортивные женщины нужны.

Так и началась ее служба. Сначала было долгое обучение и бесконечные тренировки, в которые она легко втянулась. Потом начались командировки на Северный Кавказ, участие в боевых действиях. Все это опять же на фоне каждодневных упорных тренировок.

У самой Афины Яковлевны семьи не было, как и у большинства фурий. У Любы даже складывалось впечатление, что Заварзина умышленно подбирает себе такой состав, ищет бывших спортсменов с неудавшейся личной жизнью. А таких в Москве и области оказалось много.

Основной костяк отдельного особого отряда «Фурия» состоял из простых бойцов, с которыми заключался контракт по примеру армейского. Но среди фурий существовало и особое подразделение, так называемая первая группа, которой командовала лично Заварзина. Она собрала в нее самых лучших кандидаток, определяла их по принципу, знакомому только ей.

Любовь Геннадьевна попала служить как раз в это особое подразделение. Здесь и звания давали достаточно быстро, и оплата была несоизмерима с той, которую получали простые женщины-бойцы. Зато и задания тут были обычно куда более рискованными, требующими весьма серьезных боевых навыков.

Когда там, в лесу, разведчица отряда «Фурия», капитан внутренней службы Беспалова узнала Карасева, теперь уже старшего лейтенанта, ей очень захотелось просто выйти из кустов и при всех других ментах набить ему морду. По-человечески, по-доброму расквасить его самодовольную физиономию. Отделать так, как он когда-то избил Дмитрия.

На старшем лейтенанте в этот момент не было наручников, как на Дмитрие. Но Люба была уверена в том, что сумеет с ним справиться. Потом она оттащит его куда-нибудь на деревенскую помойку и бросит там подыхать.

Но Беспалова понимала, что это невозможно, чревато последствиями, которые могут привести ментов к базе фурий. Да и не позволят стражи порядка, вооруженные автоматами, избить своего сослуживца, находящегося к тому же при исполнении. Поэтому Анаконда решила действовать предельно аккуратно.

Дальше все развивалось почти так, как она рассказала Заварзиной. Разница была лишь в том, что не старший лейтенант Карасев заметил ее шевеление в кустах, а она сама подкралась к нему сзади, нанесла удар ладонью под основание черепа и сразу сломала его. Мент полностью отключился.

После этого капитан Беспалова взвалила его на плечо и отнесла в кусты, где до этого пряталась сама. Но Карасев оказался слишком тяжелым, чтобы тащить его дальше. Тогда она вспомнила про недалекий овраг, который видела на карте, и потащила старшего лейтенанта туда.

Уже на самом краю оврага он вдруг пришел в себя и попытался было оказать сопротивление. Однако боль от перелома вернула его в бессознательное состояние.

Анаконде очень хотелось, чтобы он снова пришел в сознание и понял, от чьих рук принимает смерть. Поэтому она аккуратно спустила клиента в овраг и затащила в заросли папоротника, где его сложно было сразу увидеть.

Вслед за этим Люба вытаскала свою аптечку, открыла ампулу с нашатырным спиртом, смочила им ватку и поднесла ее к прыщавому носу старшего лейтенанта. Боль в шее, видимо,

не позволила ему помотать головой, как делают все люди в этом вот случае. Но глаза он все же открыл широко. Они от наштагыря заслезились, но это не мешало ему видеть. Он смотрел на Анаконду с испугом, заметным даже в темноте. Она сняла с головы маску, чтобы этот тип рассмотрел ее лицо.

– Люба... – Он ее узнал, вспомнил и даже произнес имя.

– Лучше бы ты бредил и меня не узнавал, – сказала она. – Тогда ты, может быть, и остался бы инвалидом, но все-таки живым. А так извини, друг дорогой. Меня теперь зовут Анаконда. Я самая большая и сильная в мире змея, которая убивает даже акул, когда они неосторожно заплывают в устье Амазонки. Я сама являюсь капитаном внутренней службы, но все же убью старшего лейтенанта полиции. Хотя бы потому, что я вдобавок ко всему еще и фурия. Ты знаешь, кто это такие?

– Бабский отряд спецназа, – тихо прошептал он.

В этот момент Любовь Геннадьевна заметила, как рука старшего лейтенанта легла на пистолетную рукоятку автомата, который до сих пор висел у него на груди. Она просто полезла снять оружие и отбросить в сторону. Большой палец Карасева лег на боковую планку предохранителя. Но ослабленному человеку сложно быстро опустить ее и нажать на спусковой крючок.

Поэтому капитан Беспалова не особенно взволновалась и продолжила говорить:

– В древнегреческой мифологии фурии – это богини мести, яростные, буйные и неукротимые. Не таким хлюпикам, как ты, командовать ими, тем более принуждать их к чему-то. Ты и твои друзья-менты годитесь только на то, чтобы алкоголиков мордовать. Помнишь Дмитрия, на которого ты перед избиением надел наручники?

– Помню.

– Так он после вашего издевательства умер. Даже бить пьяных вы можете только тогда, когда они в наручниках, не могут сопротивления оказать. Иначе вы просто побоялись бы. Но страшитесь фурий. Они придут за всеми вами и отомстят.

Карасев держал глаза широко раскрытыми, ловил ее слова открытым ртом. Анаконда находилась у него за плечами. Она держала его голову у себя на коленях и отчетливо слышала, как щелкнул предохранитель автомата, ствол которого смотрел ей в грудь на уровне сердца. Карасеву осталось только просунуть указательный палец в спусковую скобу и нажать на спусковой крючок. Затвор у него был уже, видимо, передернут, и патрон дослан в патронник.

Любовь Геннадьевна в ту же секунду резко просунула левую руку ему под подбородок, одновременно уперла в затылок локоть и предплечье правой руки. За этим последовал быстрый рывок влево, свернувший старшему лейтенанту шею и разорвавший столб спинного мозга.

С мстью было покончено. Теперь Анаконде желательно было уйти, никого не встретив, ни с кем не вступая в бой. Хотя драки она не опасалась, прекрасно знала собственную подготовку, уровень ее боевой составляющей, понимала, что может, пожалуй, справиться со всеми ментами, которые находились здесь, в лесу. Хотя они и приехали на двух машинах. Значит, их осталось девять человек. Это самое большее.

Но ведь любой бой грозит случайностью. Шальная пуля не разбирает, куда лететь. Свой гнев фурия уже удовлетворила, к остальным ментам претензий не имела, не знала их.

Но если бы ее здесь убили, то расследование обязательно коснулось бы отдельного особого отряда «Фурия», чего допустить было никак нельзя. По большому счету это могло бы стать предательством своего командира и их общего дела.

Лучше было просто и незаметно уйти, не оставив следов.

О том, кто такие фурии, Любовь Геннадьевна знала только со слов подполковника Завариной. Мифологию она изучала только в детстве, в школе, и ничего уже практически не помнила. В институте физкультуры, где Беспалова значилась, когда была еще действующей спортс-

менкой, ей ставили зачеты автоматически, как и многим другим действующим спортсменам. Анаконда даже не знала, изучали там мифы Древней Греции или нет. Но тем интереснее было услышать их в интерпретации командира.

– Римская мифология – это только извращение греческой, – заявила как-то Афина Яковлевна. – Там даже боги и герои те же самые, только им даны другие имена. Греческий Зевс у римлян стал Юпитером, Геракл – Геркулесом, Ареса стали звать Марсом, Афину Палладу – Минервой. Однако римляне извращали не только имена, но и сущность. Так прекрасные женщины, богини-фурии превратились у них в крылатых чудовищ с красными глазами, в гневные уничтожающие всех, кто не только совершит греховный поступок, но и подумает о нем. А ведь Рим и сам погряз в грехах. Следовательно, фурии, по идее, должны были бы уничтожить его. Но это сделали германские племена, не имеющие к фуриям никакого отношения. В мифах сказано, что фурии появились в Греции тогда, когда боги совершили первый смертный грех. Кронос, потом породивший Зевса, в борьбе за власть оскотил и убил своего отца Урана. Из капель крови Урана и родились фурии, которые требовали возмездия. Греки иногда называли фурий эриниями, а позднее – эвменидами. По легенде выходит, что Афина Паллада, дочь Зевса, поселила их в Греции и пообещала, что люди будут вечно воздавать им почести. Но фурии решили, что станут лишать людей жизни, если те будут повторять грехи богов. Вот и мы должны сами определять, кого стоит карать за грехи, а кого миловать. Мы – фурии.

Это было сказано после возвращения отряда «Фурия» с Северного Кавказа, когда встал вопрос о его расформировании либо о передаче в состав Росгвардии или спецназа ФСИН. Подполковник Заварзина в тот раз собрала только бойцов особого подразделения, как иногда называли первую группу, своих самых верных и самых близких женщин-офицеров.

Именно тогда она сообщила им принципы, по которым группа создавалась:

– Я знаю, что все вы в свое время подверглись насилию со стороны мужчин. Это исковеркало вам жизнь, и все вы желаете отомстить за себя. Но мстить вы должны не только за себя, а за всех женщин и даже порой за мужчин. Мы начнем делать это немедленно, не дожидаясь момента, когда наш особый отряд расформируют или куда-то пристроят. С этой минуты первая группа переходит на боевое прохождение службы. Это мой приказ! Есть несогласные?

Никто слова против не произнес. Не оказалось желающих даже встретиться глазами с фурией Афиной Яковлевной Заварзиной. Все женщины, служившие в особом отряде, знали ее взрывной и неукротимый характер.

Любовь Геннадьевна тогда не думала о встрече с Карасевым. Она даже не знала, что он давно уже стал старшим лейтенантом и ждет момента, когда окажется капитаном. Должность позволяла ему получить очередное звание.

Может быть, другие фурии испытывали те же самые чувства.

Но жажда мести проснулась в капитане Беспаловой, когда она увидела Карасева. Сначала ей просто показалась знакомой фигура, потом, при свете фонарей и пламени, тогда еще полностью не потушенного, она лицо рассмотрела, а позже слова услышала и голос узнала.

Только в тот момент Любовь Геннадьевна поняла, что, видимо, и в самой Афине Яковлевне живут и горят точно такие же чувства. Она тоже желает кому-то отомстить. Удовлетворив свое чувство мести, Анаконда готова была помочь своему командиру добиться того же.

Только вот вся предыдущая жизнь Афины Яковлевны была скрыта от взоров бойцов отряда, а сама она никогда и словом не обмолвилась о том, что делала до того, как стала командиром фурий. Но это, в принципе, никакой роли и не играло. Анаконда не собиралась ни перед кем раскрываться и рассказывать о том, какое удовлетворение она испытывала, когда сворачивала шею старшему лейтенанту полиции. Даже с Афиной Яковлевной Люба не была до конца откровенна.

Скорее всего, и подполковник Заварзина не пожелает раскрыться перед подчиненными. Она просто выполнит свою задачу, может быть, даже руками своих подчиненных, хотя и сама

имеет руки, способные на месть. Узнать об этом хоть что-то можно будет, скорее всего, только по отдельным косвенным признакам. Главным из них будет то обстоятельство, что месть свою Заварзина, скорее всего, будет совершать сама.

До этого она всегда предоставляла возможность действовать своим бойцам. Так, снайпер группы старший лейтенант Светлана Лопухина застрелила заместителя главы района, к которому имела личные счеты. Потом пулеметчица отряда капитан Лариса Крошина уничтожила вместе с машиной полковника ФСБ, который слишком уж близко подобрался к делам отряда. Вдобавок капитан Крошина была с Никитиным хорошо знакома в молодости. Через короткий промежуток времени сама Анаконда встретилась со старшим лейтенантом Карасевым. Кто следующий на очереди?..

Уснуть Анаконда не успела, когда подал голос ее сотовый телефон, оставленный на тумбочке перед выездом на операцию. Это был служебный аппарат, и звонить на него кто-то мог только по делу, причем по экстренному.

Поэтому Любовь Геннадьевна сразу ответила:

– Слушаю, капитан Беспалова.

– Люба, ты поспать немножко успела? – спросила подполковник Заварзина.

– Не очень, честно говоря. Только начала засыпать.

– Работать сможешь?

– Без проблем. А что нужно сделать?

– Нужно скрытно проникнуть в дом к тем военным разведчикам и оставить там наш пулемет. Тот самый. Работа серьезная. Не знаю, кто сможет справиться с ней, кроме тебя.

– С вашего разрешения, товарищ подполковник, я сперва душ холодный приму, свежесть в голове почувствую, потом к вам приду.

– Жду. Тут у нас еще есть неприятности. Со свежей головой их легче воспринять будет.

Иди в душ.

Глава 5

Допросы надолго не затянулись. Когда в дом вернулся майор Комогоров, допрашиваемый последним, Игорь Витальевич вышел во двор, чтобы проводить старшего следователя ФСБ.

– Ну что, Максим Анатольевич, завершили работу? – спросил подполковник Речкин.

– Пока завершил, – ответил Савинков. – А что дальше будет, какими путями пойдём, мы решим с майором Известьевым и старшим следователем Юриковских. Он вам, кстати, ещё не звонил?

– А что, должен был?

– Собирался, по крайней мере. Не знаю, может, его Известьев отговорил. Когда я уходил, Юриковских мента допрашивал. Тоже под протокол, в качестве свидетеля. Но изначально, насколько я помню, Юриковских желал и вам всем по несколько вопросов задать. У меня есть все московские адреса офицеров вашей группы, как и ваш. Не особо удивляйтесь, если вас на допрос в следственный комитет вызовут. Вы, кстати, давно с Северного Кавказа вернулись?

– Восемь дней назад.

– Почти одновременно со мной. Мы с вами там не встречались? Я неделю назад вернулся.

– Что-то не припомню вас. У меня, вообще-то, память на лица отличная.

Савинков пожал плечами и проговорил:

– Да, мне кажется, я тоже вас не встречал, хотя с вашим сводным отрядом не раз контактировал. Но ведь там много людей было.

– Да, в сводном отряде людей много. Порядка батальона. Только мы отдельно от них работали, хотя задания порой с ними синхронизировали.

– Тем не менее кто-то при мне о вас упоминал. Может, в сводках фамилия встречалась. Именно ваша, а не ваших офицеров. Их фамилии мне не знакомы.

– Возможно, в сводках. Или действительно говорил кто-то, – согласился спецназовец военной разведки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.